

Алексей Ивин

Я во времени

вторая книга стихов

Алексей Ивин

Я во времени. Вторая книга стихов

«Издательские решения»

Ивин А.

Я во времени. Вторая книга стихов / А. Ивин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932853-3

Вторая книга стихов А. Ивина составлена из «Красной тетради, 1976—1985». Как и сама эпоха, стихи застойные, депрессивные и моральные; автора огорчало, что их везде отвергали (первая журнальная публикация — 1988 год). По тону стихов ясно, что автор надломлен и погибает. Но грянула перестройка! По формальным признакам стихи разбиты на «лучшие» (раздел 1 и 3) и «худшие» (2 и 4). Стихи, ныне опубликованные в периодике, отмечены * в начале текста. «Дополненная реальность» расширяет рамки сборника.

ISBN 978-5-44-932853-3

© Ивин А.

© Издательские решения

Содержание

РАЗДЕЛ 1	6
ТОВАРИЩУ ПО ЛИТИНСТИТУТУ В.К.	6
*СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ	7
*ОТ ЩЕДРОТ СВОИХ	8
*ЗИМНЯЯ КАРТИНА	9
КРИПТОГРАММА	10
*ПСАЛМОДИЯ	12
ПСАЛОМ 1	13
*ПСАЛОМ 2	14
*ПСАЛОМ 9	15
*ПСАЛОМ 36	16
ИГРА	17
*ЗА ПОРОГОМ	21
*ИЕРОНИМ БОСХ	22
* КАМЕНЬ	23
*ТУДА	24
*НЕОБХОДИМА ОСТОРОЖНОСТЬ	25
*«ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»	26
А ЛЯ РЮС	27
* ШТУРМ	28
К ВОПРОСУ О ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ	29
ПАНИХИДА ПО ФЕНИКСУ	30
*СБЕЖАВШЕЕ ЯБЛОКО	32
* АНТИНОМИИ ПСИХИЧЕСКИЕ	33
ИСКУШЕНИЕ	34
*ИММОРТЕЛЬ	35
ПОЭТ, СМЕРТЬ И ОБЫВАТЕЛЬ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Я во времени Вторая книга стихов

Алексей Ивин

© Алексей Ивин, 2018

ISBN 978-5-4493-2853-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

©, Алексей ИВИН, автор, 1976—1985, 2018 гг.

©, Рокуэлл Кент, иллюстрация к роману Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит».

Дополненная реальность. Архип Куинджи, «На Валааме»

РАЗДЕЛ 1

ТОВАРИЩУ ПО ЛИТИНСТИТУТУ В.К.

Мой друг пропал, хоть подавал надежды.
Под солнцем место заняли невежды.

На память хлебницу оставил и диплом,
Чтоб я читал и вспоминал о нем.

Я хлеб жую и чту его рассказы,
А место заняли пройдохи и пролазы.

Прощай, мой друг! Я хлебы преломлю...
Большое плавание большому кораблю.

А что литература? – Пустячок!
Ты прав: чок-чок – и зубы на крючок.

Ты спасся – я ценю поступок беспримерный,
А я прикован к ней, увы, как раб галерный.

***СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ**

Я день и ночь – в Содоме,
терзаю душу я,
что мало денег в доме,
что рушится семья,
что нужен шифоньер нам,
что «стенка» нам нужна,
что день и ночь по нервам
пиликает жена,
что нужно разводиться,
разменивать жилье,
что жизнь течет водицей
сквозь пальцы, что ее
осталось ненадолго,
по-видимому, но,
исполнен чувства долга,
надеюсь все равно:
земной судья развяжет
что Бог связал на век,
и, холостой и даже
счастливый человек,
вновь женщину найду я,
спокойную, с умом,
пускай немолодую, —
и кончится Содом.

И вот, назло соседям,
в Гоморру мы поедем.

***ОТ ЩЕДРОТ СВОИХ**

Едва светает, выйти на крыльцо,
Пока еще туманно все в природе,
Из кадки дождевой ополоснуть лицо
И просветлеть, как солнце на восходе.

С намокшей удочкой пройти по валунам
Туда, где плес заветный серебрится,
Скитаться допоздна, как в вольном небе птица:
Ведь эта тишина врачует души нам.

Или с корзиной в лес, чтоб отдохнуть
От суеты сует, от склок и от раздоров, —
Там тихо и светло, не слышен шум моторов.
Там палая листва нам устилает путь.

Обильно дарит от своих щедрот
Болотной клюквой и лесной черникой, —
Ах, осень, осень! Кто тебя поймет —
Войдет в шатер твой с головой пониклой.

Ты плодоносишь — мы еще цветом,
Ты сбросила листву — а в нас еще надежда,
Что старость далека, минует нас, что прежде
Чем умереть, уж мы свое возьмем.

Да что же брать? Дари и раздавай!
Люби, пока тепло и солнце не померкло,
А что потом — нирвана или пекло —
Не все ль равно: пустые все слова.

Достойны будем памяти о нас,
Детьми мы обновимся и делами.
Раздарим все тем, кто идет за нами,
И ничего не спрячем про запас.

***ЗИМНЯЯ КАРТИНА**

В сизом, морозном тумане
Серый укрыт поселок.
На горизонте – солнце
Оранжевое, как апельсин.
Колонны седого дыма,
Печные продолжив трубы.
Растекаются под небосводом
В слоистые облака.

КРИПТОГРАММА

Как во имя святого Георгия
Воевали промежду собой
Петр с Иваном и Федор с Ильей,
Воевали, не выслужив ордена.

Нападал Александр на Олега,
Виктор крепко Андрея теснил,
Но изрек пресвятой Михаил:
Я есть альфа твоя и омега;

В Вашингтоне блюду и в Москве я...

Если кто в Третьяковку придет,
Зрит там отрока Варфоломея,
Как явился ему гугенот.

*Бок о бок мы! Но равнодушно был
Вагон метро, мусоля детективы.
И эскалатор развозил учтивый,
Двубортные застегивая швы.

Как много нас! Душа моя стремится
Отсюда, где меня внезапный лед сковал,
Как озимь стылую, уйти на перевал,
На перевал – и заблудиться.

Печален мох, и холодна вода,
И жизнь просторна и проста, как воздух.
Так вот зачем Ты уходил сюда,
На скудный камень при высоких звездах!

Усталый серп луны взрезает облака,
и в черном небе он один лишь не угас.
Но нет во мне раба.
Я ненавижу вас,
я ненавижу вас,
как бешеных собак.

Я жил не как хотел,
я бился в стену лбом.
Нет, я не огибал бесчисленных препятствий.
Но вой,

ваш дружный вой
мне был залогом в том,
что я – во времени,
вы – только лишь в пространстве.

*Весь день гляжу на поплавок,
Сбежав от ядерной угрозы,
А солнце жарит левый бок,
И шепчут крылышки стрекозы.

Валун с языческой поры
Лежал, небось, на диком берегу,
И проносились осетры
Там, где сейчас клюют коряги;

Косматый ельник пер к реке
Единодушным пьяным сбродом,
А время было о рыбаке
Писало вилами по водам.

Плывут, мое тепло храня,
В летейской мгле мои глаголы.

Скажусь Игнатием Лойолой,
Авось забудут про меня.

***ПСАЛМОДИЯ**

ПСАЛОМ 1

Блажен тот муж, который
Не ходит к нечестивым,
На грешный путь не встанет,
Развратников не чтит,
Да только нет опоры
Его благим порывам
В миру, где кнут и пряник
Владычат, как синклит.

Он верит, что взметнутся
Они, как пыль под ветром,
Что воздается тем, кто
По совести живет,
Но чтоб он смог заткнуться
С голодным приставаемъем,
Вели, о Боже, манне
Валиться круглый год.

***ПСАЛОМ 2**

Мутятся народы, цари восстают,
Дырявят вотще атмосферу,
И смертным хвастливые статуи льют,
И в Бога утратили веру.

Но горний правитель все терпит, пока
Не станет, как в сказке кошмарной,
И жизнь человека дешевле горшка,
И царства – тесовой гончарни.

***ПСАЛОМ 9**

Ты прав, о Господи! Но вот что невдомек
Мне, скудоумному: зачем стоишь вдали Ты?
Ведь видишь Ты, что лев ягненка поволок
И похотливец вышел для ловитвы.

Как беспристрастен Ты! И, зная это, всякий
Не вправе ли сказать убивец или тать,
Что Судный день – одни сплошные враки,
А если Ты и есть, Тебе на нас плевать...

Опомнись! Наведи на них Ты скорбь и гибель
И судьбы их развей, как листья к ноябрю, —
И либо укреплюсь я в шаткой вере, либо
Я стану как они. И лиру разобью.

***ПСАЛОМ 36**

Завидую мирскому злу —
Богатым, сильным, злым:
Они живут, а я терплю,
Царят — а я гоним.

Легко советовать — уйди
От зла, твори добро,
А Ты меня вознагради
Не после похорон.

Иначе плюнут мне в лицо
И разотрут плевок
За то, что не был подлецом,
А истину берег.

Еще молюсь, еще людской
Я не боюсь молвы,
Но нет, но нет Тебя со мной
На пыльных мостовых.

ИГРА

Стремясь расслышать – без успеха! —
Откуда, как глухой набат,
Гремит сквозь маскарадный смех мой
Любви капризная мольба,

Вы отзоветесь нежной лаской,
Но неприметно, как овал,
Мою улыбку стянет маска
Угрюмой ненависти к вам.

В долине отзвуков и вздохов
Вы броситесь искать души,
Но разграненный эхом хохот
Рыдания ваши заглушит.

И повторится многократно
Игра – вернется бумеранг,
Сполна налитый спесью братней
Для врачеванья ваших ран.

И чтоб уже не обмануться,
Мечась в отравленном кругу,
О, дайте, дайте мне вернуться
В себя! Я больше не могу...

*Я схожу с ума от одиночества
И не верю больше в чудеса,
Зазову – без имени, без отчества —
Хоть кого-нибудь на полчаса;

Разбивая отчужденье, ласково
Я скажу, что полюбил его:
Милый друг мой, разопьем шампанского
И Христово встретим Рождество.

Если же, рождественский и розовый,
Он на зов не обернется, – пусть:
Я решусь – с балкона грянусь оземь и
В небо ясным соколом взовьюсь.

*Ю. Флееву

Искрился снег. И ты колот дрова.
И радостная каркала ворона.
И глянцем отливала синева.
И осыпался иней с клена.

Прекрасна жизнь! На скатертном снегу
Напутал птичий след крестов и знаков.
И хлопнув дверью, ты ушел в тайгу,
Неповторим и одинаков.

По снежным елям гарцевал мороз,
И шелушился жалостный ольшаник.
Бело и тихо. И не видит слез
Никто из обреченных на молчанье.

*Я курил злонамеренный деготь,
Утопая по шею в меду,
Но не мог огорчить и растрогать,
И расстроить пчелиную мзду:

Прилетали, жужжали, вносили...
И чтоб сладкую жизнь превозмочь,
Голосила душа от усилий,
Источая защитную желчь.

И когда эту чашу я поднял,
Испустив окончательный вздох,
Загрустил сатана в преисподней
И сиропом расплакался Бог.

Как лес – расти, как зверь – существовать.
Исчезнет все, что непрестанно мучит.
Случайно – жить, рождаться, умирать.
И путь мой ничему вас не научит.

Я есть. Кто поручится: был и буду?
Вчерашний я – совсем не я уже:
Одни меня запомнят как паскуду,
А у других взгрустнется на душе.

Хочу лететь, но кто же залатает
Прорехи в паутине бытия?
А между тем тугую сеть сплетают
Для вольной птички – знаю, знаю я!

Плоть или сон? Ау! Ау, ответь мне,
Ты, кто был мной и снился наяву...
Интерференция в двенадцатом столетье;
Да в Гончих Псах взъерошило листву.

Нас создал космос, жалкая стряпуха,
Из неслиянных атомов слепил,
Разъединил он голову и брюхо
И сердцем дисгармонию скрепил.

*Раздвоен изначально и навеки
Ты, человек! И в круглой голове
Круглится мысль о богочеловеке
И общечеловеческом родстве.

Еще не ясно, в племенном ли стаде
Иль в хоре ангелов, но выяснится впредь —
Планета лопнет: мысль — ее исчадь —
Калечит плоть и разрушает твердь.

Усталый и злокозненный создатель,
Наш прах развеяв, ототрет чело.
Но мысль моя, как иступленный дятел,
На Млечном древе выдолбит дупло.

*Мне нечего хотеть. Мне некуда идти.
И жизнь, по-видимому, смысла не имеет:
За триллионы лет один микрон пути
К могильным кустикам шалфея.

В космической квашне смешались навсегда
Мука пространств и влага горных речек,
И пекарь, чтоб испечь удачный хлеб, туда
Вливает дрожжи человечьи.

Не унывайте же! Мы встретимся опять,
Пусть не людьми, но им равновелики,
И с утренней звезды я стану излучать
Свои взыскующие блики.

**И какое может быть крушение,*

Если столько в поезде народу?
Н.Рубцов, «Поезд»

Стучали колеса, зеленый вагон
Средь лунной полуночи плыл,
Смеялся ребенок, седой проводник
Свой чай по купе разносил.

Беспечная жизнь. Пассажирский вагон.
Здесь люди в объятиях сна.
Внутри – согласованный сонный уют,
Снаружи – гуляет луна.

Но что это?
Скачут, – я вижу в окно, —
Взрывая заснеженный склон,
Конь белый, конь рыжий, конь вороной,
Конь бледный – за нами вдогон.

И чтоб не свершилось пророчество бед
И чтоб нам Суда не видеть,
Наддай, машинист: ведь когда-то-нибудь
Устанут они догонять.

***ЗА ПОРОГОМ**

Ночными, осторожными шагами
Я вышел в сад и замер в тишине,
А в освещенном суетном окне
Две тени вслед гримасничали мне:

Там пировали: мутными глазами
Обшаривали истину, клялись
И ссорились. А надо мной сплелись
Пути небес и вызвездилась высь:

Вселенские мололи жернова,
Дробя планеты и миры калеча, —
О, что им до ничтожного зерна?!

Вернусь туда, за суетность окна,
И захлебнусь в разгуле человечьем,
И горестного вымолю родства.

***ИЕРОНИМ БОСХ**

Где мрак простерся гробовой
и пыль, как твердь, зачугунела,
и воздух стынет, омертвело
смердя, и человеческий вой,
и стоны запертого зверя
шуршат по серым потолкам,
и гарпий траурные перья
танцуют мстительный канкан,
где не блеснет надежда или
хула в замшелых стружьях глаз,
и жуткий светоч трупной гнили —
лишь он, последний, не погас, —
там, растерзав и плоть и душу,
я проклял Родину за то,
что, отягченный рабством, трушу
восстать над пыльной суетой

и – но зачем? – опять, опять
бесстрашно истину вещать.

*** КАМЕНЬ**

Г.К.

Далек тот день. Но близок этот дом,
Построенный у камня преткновенья;
Луна и солнце ходят ходуном,
А он упрочился легко и дерзновенно.

Тот день настанет. Стерпим, переждем,
Семейственно вражду перемогая;
Печально мокнет кошка под дождем;
И битва внешняя – как музыка глухая:

Кандальный звон и лязг мечей. Там брань —
За окнами, там хлещет кровь из глоток, —
Во человецех зло.
Благоволю – предстань
В полночный час, нагой, без папильоток.

Любовь! Синай! К холмам, где свет померк,
Взываю из осады: братья! Братья,
Опомнитесь! Он нам готовит смерть,
Надгробный, преткновенный, как проклятье.

***ТУДА**

В погоне за сном ускользающим род толстокожий.
Свалили, и топчут, и бивнями бьют, и трубят.
Молись, окаянный художник! За что же, о Боже?
Тут стадо прошло – мусикийский расстроился лад.

Не склеивай струны запекшейся кровью, не лей
Слезы одичалой, и пусть враждованье галактик,
Как мельничный жернов, дробит сновиденья людей, —
Ты вечный скиталец на млечном запущенном тракте.

О чем же ты просишь? С дороги, затоптанный, встань.
Вон путь твой пустынный в сопровождении тайн.

***НЕОБХОДИМА ОСТОРОЖНОСТЬ**

Кус свинины непрожаренной
вы, допустим, где-то слопали —
стрептококк эхинококковый
или цепень уж мытарят вас.

Выпили в реке водицы,
съели яблоки сырые —
завтра могут появиться
признаки дизентерии.

Не целуйтесь с вертихвостками,
жен водите к гинекологам,
а не то, избави Господи,
в Шикотан вас вышлют голого.

Делая зарядку утром,
приседайте до упаду вы;
шефа своего порадуйте
портсигаром перламутровым.

И когда всю жизнь, всю юность
прогносавите, как тихий стон,
я пойду и в петлю сунусь,
чтоб не стать для вас Антихристом.

***«ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»**

А ЛЯ РЮС

Ах, весь мир мой! Зеленеет пажить.
Но, окаянства не в силах вынести,
Я в мертвом царстве необходимости
Люблю перечить, ломать, бродяжить.

Уйти, уйти! И помнить о Боге,
И слышать брань, и гневливость прятать;
Когда поднимется брат на брата,
Уйти, уйти по грязной дороге.

*Как чисто и светло! За окнами – весна,
В цвету деревья, солнце – в поднебесье
И тишина, какая тишина!
Иди в поля, иди, и плачь, и смейся,
И ветер, ветер, ветер расстригай
Заржавленными ножницами тела...

Земля моя, обетованный край,
Бесчувственный, цветущий, опустелый.

*Буйной ночью в саду одичалом
Ветер выл и деревья качал,
И восторгом душа отвечала
На весенний языческий шквал.

И пугливый, и дерзкий, и дикий,
Шел и пел я и факел держал,
Жутко прыгали красные блики,
Путь сиял, как кровавый оскал.

Духи недр и небесные гости
В том саду провожали меня...
А проснулся беглец на погосте
Посреди безмятежного дня.

*** ШТУРМ**

К ВОПРОСУ О ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ

Стена кирпичная, базальтовая
Отгородила полземли.
Я любопытствую – разглядываю
Тех, кто на штурм стены пошли.

Идите! Клану охранительному
Не миновать тычков взащей,
И те, кто станут победителями,
Воздвигнут стены попрочней.

ПАНИХИДА ПО ФЕНИКСУ

Для кого пишу, для чего?
Бесполезная трата усилий.
В тьме египетской волки завывали,
Заглушая мое рождество.

Толстосумы казенных палат,
Борзописцы журнального вздору,
Подпевали вы волчьему хору,
Заглушая мое рождество.

В тишине эти перья скрипят,
Лжи глашатаи, слуги оклада,
И рыдает на торжище правда,
Заглушая мое рождество.

Повторилось, хоть было давно:
Не для них эта проповедь веры,
Поносили меня, лицемеры,
Заглушая мое рождество.

Я воскресну! А им не дано,
Дух святой не утишит печали:
Не сподобились, ибо кричали,
Заглушая мое рождество.

*О мудрый свет, маяк мой и надежда!
Неугасимый, как же ты далек!
Но верую – еще сильнее, чем прежде,
Хоть еле брезжит слабый огонек,
Хоть снова над стезей, ведущей к правде,
Нахальное кружится воронье...

Идущий вкривь, не чувствуешь ли сзади
Глухое отчуждение мое?

Кто живет, а кто и бедствует.
Как жалко! Юность умерла,
Оставив жалкое наследство, —
Докуку, скорби и дела.

Не мог я в слове, в жесте выразить

Страсть, рвущуюся изнутри, —
Тянул, усталый певчий, с клироса:
Даруй и длань свою простри!

И вот конец. Свободы умершей
Следы целую в тишине.
И плачу, плачу я без удержу,
И нет успокоенья мне.

***СБЕЖАВШЕЕ ЯБЛОКО**

Мой друг, услышь. За дымом сигареты
Исчезла молодость, как с лепестков роса, —
А как он цвел, наш сад, мечтой согретый,
Для страшного жнеца плодонося.

Придет тот жнец, и созревания меру
Почувствует, и плоти фатовство
Прервет, и заключит плоды в фанеру,
И плод без червеца обрадует его.

Ах, лето, лето! Ясный напоследках,
Веселый день поманит в свой разгул —
Мне надоест висеть на пыльных ветках,
Не выдержу, сорвусь и убегу.

*** АНТИНОМИИ ПСИХИЧЕСКИЕ**

Ах, боже, все Имени
не вспомню Твоего,
но только объясни мне
меня же самого:
зачем держусь за правила,
но жажду разрушать,
и что меня заставило
от счастья убежать,
и от Тебя что требую,
когда твержу одно:
я е с т ь, но это небу и
могиле все равно.

ИСКУШЕНИЕ

Долби и сей и землю рой,
Пиши, молчи и говори,
Счастливым будь, страдай —
Дождешься ли своей зари?
Блеснет ли солнце за горой?
Откроется ли рай?

В пустыне дьявол искушал,
Шептал в крошечной мгле:
Не жди, не рассветет.
Смотри, уже смердит душа,
Смотри, потемки на земле,
А вот и смерть грядет.

Могучий дух алкал огня,
Борьбы, любви, вериг —
Напрасный демонизм!
Вовне – мышинная возня,
И внутрь их выводок проник,
Грызущий верх и низ.

Пускай! Не вечно торжество
Ночей, доверчиво живи,
Нам выбор дан простой,
И лишь запомни твердо, что
И волос не падет с главы
Без ведома Его.

***ИММОРТЕЛЬ**

Облако белесое проплывет над пашней,
Быстрой беглой тенью омрачив ее
(Ворон-долгожитель, возраст патриарший,
Выключет и вытопчет жнивье),

И повеет холодом ветер по-осеннему,
Листья оголтелые скопом закружит
(Все равно, что миг, ему, все равно, что день, ему:
Он бессмертен, Ворон, – Вечный Жид).

Что же вы взалкали, дураки, до времени?
Мух на окнах знай дави!
Вот когда помрет он, станем суверенными
Мы – во имя Бога и Любви.

*Жизнь грустная под колпаком.
О, сколько нас там прозябает,
Не веря в Подвиг (он нам не знаком!),
В пустыне, у подножья рая!
Очерчен нам безжалостной рукой
Суровый круг табу, запретов.
Переступи – узнаешь, как легко
Ломают крылья под напором ветра.
Гниющий тлен – на выбор – или злой
Напор ветров. Но это за чертой.
Живи и смейся. Плачь и умирай.
Открытый доступ – в рай.

ПОЭТ, СМЕРТЬ И ОБЫВАТЕЛЬ

Я устал бояться смерти.
Будь что будет. Все равно.
В бестолковой круговерти
всем погибнуть суждено.
За бессмысленной работой
государству дань платил,
жрал пилюли с позолотой,
воду в решете носил;
раз пятнадцать с честью умер,
плотским соком изойдя,
рыскал счастья обезумев,
а нужна была... ну да!
В серых буднях, как в жаровне,
я сгорал душой дотла, —
смерть за мной, как чичероне,
путь указывая, шла,
смерть мешала насладиться
вечным блеском бытия,
и торчал в ее глазницах
кукиш с маслом — цель моя;
дружба, нежность, слава, злоба —
все, что было, проморгал,
смерть зато смотрела в оба,
пряча ласковый оскал.
Кто ценил обеды, шмотки,
жизнь тетешкал, волчью сыть,
тот не знал моей чесотки:
чем бы горю пособить;
не цеплялся за искусство,
шанс последний из нуля,
не рыдал, что в сердце пусто:
муза жертв не приняла;
не метался, словно шилом
в зад ему кололи, не
плясал, сторукий Шива,
дух его на крутизне;
роль шута в пиру свинячем
не играл он, не скорбел,
что шутить и ждать подачек
от свиней — его удел.
Он не знал и сотой доли
мук, которые один
вынес я, — не оттого ли
рожа у него как блин?
Но когда-нибудь (посмотрим!
будь что будет! все равно!)

я сведу с подлюгой счеты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.